

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л.Титаренко, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов. – 2006. – 727 с. С. 419 – 421.
2. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с. С. 71 – 86.
3. Философы из Хуайнани / Хуайнаньцзы. Пер. Л. Е. Померанцевой, сост. И. В. Ушаков. – М.: Мысль, 2004. – 430 с.
4. Рыков С. Ю. Проблема методологических оснований китайской классической философии в современной синологии. / С. Ю. Рыков // История философии. – 2009. – С. 123 – 142.
5. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» / Ю. К. Щуцкий // 2-е издание под ред. А. И. Кобзева. – М.: Наука, 1993. – 629 с.
6. Кобзев А. И. Учение о символах и числах в китайской классической философии / Кобзев А. И. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 432 с.
7. Лип Э. Китайская нумерология. / Э. Лип // Пер. с англ. М. Горячевой, пер. с кит. М. Богачихина. – М.: Экс-Пресс, 2003. – 136 с.
8. Лаоцзы. Даодэцзин / Сост., пер. И. И. Семенов. – М.: Республика, 1999. – 445 с.
9. 诗词名句网 (Тэксты вершаў і вядомых выслоўяў) [Электронны рэсурс] 李白的诗词全集 (Поўны збор паэзіі Лі Бая). – Рэжым доступу: <http://www.shicimingju.com/chaxun/zuozhe/1.html>. – Дата доступу: 16.04.19.
10. Слово Будды. Обзор учения Будды словами Палийского канона / Сост., пер. на англ. и коммент. Ньянатилоки, пер. с англ. А. Л. Титова и Д. А. Ивахненко под ред. В. Г. Павлова. – М., Содружество буддизма традиции Тхеравада, 2005. – 63 с.
11. Переломов Л. С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н. э. – XXI в.) / Л. С. Переломов. – М., «Стилсервис», 2009 г. – 704 с.
12. 古诗文网 (Сайт старажытнай паэзіі) [Электронны рэсурс] 桃花源记原文 (Арыгінальны тэкст “Персікавай крыніцы”). – Рэжым доступу: https://so.gushiwen.org/shiwenv_73add8822103.aspx. – Дата доступу: 16.04.19.

РЕИНКАРНАЦИЯ В РОМАНЕ МО ЯНЯ «УСТАЛ РОЖДАТЬСЯ И УМИРАТЬ»: СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ-ПЕРСОНАЖЕЙ

Альшевская А. С.

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь, 77schevskaya@mail.ru*

Роман китайского писателя Мо Яня «Устал рождаться и умирать» неоднократно признавался лучшим произведением писателя, а также был удостоен премии Ньюмена по китайской литературе. Роман сочетает

в себе как исторические события, так и мифологию. История рассказана от лица богатого землевладельца Симэнь Нао, казнённого во время земельной реформы 1950 г., который, перерождаясь в различных животных, наблюдает за историческими событиями коммунистического Китая в течение 50 лет.

В основу сюжета положено представление о реинкарнации (лат. *reincarnatio* – «повторное воплощение») – переходе бессмертной души из одного тела в другое. Представление о переселении душ характерно для буддизма – одной из трех религий, распространенных в Китае. Закон причинно-следственной связи гласит, что за благие дела душа воплощается в высших мирах (например, в человека), а за плохие – в низших: станет животным и будет страдать, отрабатывая карму, чтобы потом переродиться на высшей ступени – человеком. Так, главный герой Симэнь Нао принимает облики различных животных: «осла с его вольностью и разнузданностью, вола с непосредственностью и упрямством, свиньи с алчностью и свирепостью, пса с преданностью и заискиванием, обезьяны с проворностью и озорством» [1, с. 122], и только в конце перерождается человеком – большеголовым ребёнком Лань Цяньсуем.

Повествование начинается с того момента, когда главного героя романа Симэнь Нао, не признавшего своей вины и продолжающего утверждать, что с ним поступили несправедливо, после двух проведенных лет в аду отпускают на землю, но уже не в человеческом, а в зверином облике – отрабатывать кармический долг.

Согласно законам реинкарнации положительные поступки, мысли влекут за собой благоприятные последствия, а отрицательные действия – плохие. Об этом говорит и Яньло-ван (владыка ада в китайском фольклоре): «Слишком многие в мире людей живут с ненавистью в душе... Мы не хотим, чтобы ненавидящая душа вновь перерождалась человеком» [1, с. 665]. Именно ненависть Симэнь Нао к своим убийцам, нежелание смириться, стремлением отомстить («Хочу снова стать Симэнь Нао и свести счёты со всеми!» [1, с. 25] – заявляет он) является причиной необходимости стольких его перевоплощений в животных. Следовательно, целью подобного перевоплощения души является ее эволюция.

Почти в каждом из обликов Симэнь Нао пребывает около десяти лет, причем каждое из них соотносится с определенным периодом китайской истории. В романе описана целая эпоха из истории Китая: создание первых сельскохозяйственных кооперативов, борьба с подрывными элементами, культурная революция, смерть Мао Цзэдуна.

Возникает вопрос: «Почему главный герой перевоплощается именно в этих животных и почему именно в данной последовательности?» Вероятно, каждое животное способствует наиболее полному отражению характера той или иной десятилетки в истории коммунистического Китая. Например, перерождение хряком происходит «в золотой свинский век», когда «немало людей захотят переродиться в этот мир свиньями, а ещё больше родившихся людьми будут страдать от того, что живут хуже свиней» [1, с. 272]. Данный период отражает события, происходившие по всей стране в период Большого скачка, заканчивающегося в результате провалом. Именно рассказ от имени животного дает автору возможность показать все негативные проявления того времени, никого не жалея, не стесняясь в выражениях.

Повествование в романе ведется от первого лица. В начале создается впечатление, что рассказ осуществляется от лица антропоморфного нарратора (о таком явлении, как антропоморфность нарратора, пишет В. Шмид в книге «Нарратология») – рассказчиком является не человек, а животное. В. Шмидт отмечает, что «повествующая инстанция может быть личностной, но в то же время не быть человеком» [2, с. 40]: «нарратор может стоять «ниже» человека, быть животным» [2, с. 40]. Например, в постмодернистском романе Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах», где в первой главе «Безбилетник» в качестве повествователя выступают личинки червя древоточца, которые рассказывают свою версию событий, происходящих во время всемирного потопа. В качестве классического примера повествующего животного В. Шмид приводит «Золотого Осла» Апулея, аргументируя это тем, что «во всех этих текстах нарратор повествует в образе осла, в которого он был превращен» [2, с. 40], что с нашей точки зрения является неверным, поскольку данный персонаж изначально был человеком, который под воздействием зелья принял зооморфный облик, следовательно, является не антропоморфным существом, а человеком в облике животного, то есть пассивным метаморфом – подвергшимся метаморфозам (превращениям). Данное утверждение верно и относительно героя романа Мо Яня. Симэнь Нао перед перевоплощением в осла, не желая забыть все горести и страдания из своей человеческой жизни, отказывается выпить напиток, который заставляет забыть прошлое. «Пусть все горести, тревоги и озлобление остаются в моём сердце, иначе возвращение в мир людей теряет всякий смысл» [1, с. 11], – заявляет он. В результате его человеческая душа оказалась заключена в теле животного. По этой причине его, как и нарратора в произведении Апулея, нельзя отнести к категории

антропоморфных нарраторов.

Но при дальнейшем чтении романа оказывается, что на самом деле нарратором является большеголовый ребёнок Лань Цяньсуем (далее – Большеголовый), в которого после пяти животных жизней перерождается Симэнь Нао. Это становится понятно из вставленной в основное повествование беседы сына бывшего батрака Симэнь Нао Лань Цзефана и Большеголового. Но не все так однозначно, так как каждая история, рассказанная данным нарратором, – это три совершенно разные истории осла, свиньи, собаки, которые обладают разным мировоззрением, характером, темпераментом, следовательно, и язык повествовательной манеры каждого в значительной степени отличается: общее настроение рассказа, лексика (например, осёл использует большое количество ругательных слов) и т. п. По этой причине нельзя однозначно воспринимать повествование Большеголового о своей жизни в шкуре осла, свиньи, собаки как рассказ от имени одного нарратора, так как каждый раз при перевоплощении развивается новая личность индивидуума, но одновременно определённая часть его человеческого «Я» остаётся неизменной, переходя из одного воплощения в другое.

В роли рассказчика выступает не только сам Симэнь Нао в образе различных животных, но и сын бывшего батрака Симэнь Нао Лань Ляня и его наложницы Инчунь – Лань Цзефан. Именно он, а не сам герой рассказывает историю жизни вола. Выбор рассказчика мотивируется тем, что когда Симэнь был волком, то они с ним почти не разлучались, поэтому всё, что происходило с ним во время данного перевоплощения, ему хорошо известно.

Первая история рассказана от лица осла, который хорошо помнит свою человеческую жизнь и людей из своего прошлого воплощения. Его ослиные мысли и переживания чередуются с человеческими воспоминаниями, переживаниями и восприятием окружающей действительности.

Как замечает сам нарратор, подвергающий анализу особенности сочетания в себе человеческого и животного начал: «болтаешься между человеком и ослом. Ослиное сознание и человеческая память мешаются... Настрадавшись от воспоминаний о человеческой жизни, тут же радуешься ослиной» [1, с. 27].

Анализируя свое внутреннее состояние и восприятие мира, Симэнь Нао приходит к выводу, что именно внешние жизненные факторы влияют на то, какая из его внутренних «Я» начинает доминировать в определенный момент. Занимаясь тем, что связано с жизнью животных, он воспринимает мир с соответствующей позиции. Например, «стоит попасть в рот свежепожаренным соевым бобам,

смешанным с мелко нарезанной соломой, – и я безотчётно принимаюсь жевать их, испытывая при этом чисто ослиную радость» [1, с. 27]. А вот появление людей из прошлой человеческой жизни, наоборот, вызывает в нем воспоминания и пробуждают человеческие чувства и стремления: «Тут в загоне появилось ужасно знакомое лицо, я весь затрепетал, одновременно распахнулись шлюзы памяти, и на меня хлынуло прошлое. «Синьэр, ты жива!» – громко воскликнул я» [1, с. 267].

Животные инстинкты и потребности накладывают на человеческую душу Симэнь Нао определенный отпечаток. Именно поэтому он при перерождении в свинью упирается, когда его пытаются покормить свиным молоком: «Взяв в рот сосок животного, я наполовину утрачу человеческое и безвозвратно погружусь в пучину животного мира» [1, с. 261]. Он не желает, чтобы в нем победило свинское начало, «свинский нрав, свинские предпочтения, свинские желания» [1, с. 261], потому что это превратит его в «свинью с небольшим остатком человеческих воспоминаний» [1, с. 261–262].

При перевоплощениях в животных Симэнь Нао общается не только с людьми, но и с другими животными, причем это происходит способами, характерными именно для животного мира: с помощью запаха, языка тела и т. п. Подробно описывает, как во время своей собачьей жизни он познает мир через запахи.

Приобретение главным персонажем зооморфного облика в процессе реинкарнации в разных животных приводит к постепенной зооморфизации мировосприятия персонажа. Свою оценку сочетания человеческого и животного в поведении и восприятии окружающего мира в пределах одного индивида дает читателям главный герой-повествователь. Например, он отмечает, что «свиньёй я осознавал себя чётко и ясно, человеком – смутно» [1, с. 469].

Если сравнивать все зооморфные ипостаси Симэнь Нао, то в рассказе про осла он больше человек в ослиной шкуре, чем животное: «Из-за опыта прежней жизни человеком осёл из меня всё же необычный получился. Страшно привлекало всё, происходящее в жизни людей» [1, с. 52].

Симэнь Нао, несмотря на свое животное воплощение, продолжает переживать о близких ему людях. Например, о сыне своем Цзиньлуне и дочке Баофэн: «Детки мои детки, как папа тосковал о вас!» [1, с. 25]. Он страдает от того, что они стали детьми других родителей, а он, их отец, превратился в осла.

Он переживает и за судьбу своей жены, раскаивается, что не всегда поступал с ней так, как она того заслуживала: «Ну нет больше сил терпеть, невыносимо слышать плач жены, от её рыданий я и страдал, и

испытывал угрызения совести – как жаль, что не относился к ней по-доброму!..» [1, с. 62–63] Симэнь сожалеет, что с появлением в доме наложниц, Инчунь и Цюсян, совсем перестал уделять ей внимание. Он все время стремится защитить свою жену от издевательств, которым она часто подвергается, нападая в зооморфном облике на ее обидчиков. «Не смей бить мою жену!» [1, с. 106] – кричит он им на зверином языке, но его никто не понимает.

В каждом своем новом животном облике он постоянно подвергается унижениям, всевозможным издевательствам, причем особенно со стороны своего кровного сына Симэня Цзиньлуна. Читатель может только догадываться, насколько тяжело Симэнь переживает такое отношение именно со стороны одного из самых близких ему людей – сына: «А ты, Вол Симэнь, что ты чувствуешь, когда родной сын так жестоко обращается с тобой?» [1, с. 252] – спрашивает его Цзефан. Но даже жестокое обращение с ним сына в период воплощения в вола не заставило Симэнь Нао причинить ему вред. Он терпел все издевательства сына со смирением: «Подоспевший Цзиньлун, размахнувшись, резко опустил кнут на твой круп. Он хлестал, не переставая и всякий раз оставляя кровавый рубец. Но ты не обернулся и не сопротивлялся» [1, с. 152–153], – отмечает Цзефан.

Несмотря на это он продолжает переживать за сына. Так, когда сильно пьяный Цзиньлун подходит к генератору и склоняется над крутящимся маховиком, он готов в любой момент броситься ему на помощь: «Осторожно, сынок!» – рвался из меня крик, и я напрягся всем телом, чтобы, если потребуется, рвануться к нему на помощь» [1, с. 349]. В облике пса он только несколько раз начинает воспринимать себя человеком, забывая, что он не человек. Первый раз, когда увидел сильно избитого Цзефана («Я забыл, что я – вымазанный в уличной грязи пёс, я ощущал себя человеком, связанным с вами общей судьбой» [1, с. 605]); второй раз во время похорон своей бывшей наложницы Инчунь, являющейся матерью двух его детей: «В эти дни из глубин памяти то и дело всплывали затерявшиеся там воспоминания о прошлом, связанные с Симэнь Нао.... Иногда я забывал, что позади уже четыре перевоплощения: мне казалось, что я хозяин усадьбы Симэнь, что горюю по умершей жене» [1, с. 644].

Если говорить о внешнем восприятии главного героя-животного другими персонажами, то их представление о нем имеет антропоморфизирующий характер. Так, несмотря на зооморфное воплощение, его хозяин Лань Лянь относится к нему, как к человеку. Главный герой приходит к умозаключению, что если осла кормят новогодними пельменями с хозяйского стола, то, следовательно, «за

человека я у хозяев, за члена семьи» [1, с. 83]. Когда Лань Ланю предлагают продать травмировавшего ногу осла мясникам, то он заявляет: «А если бы отец твой ногу поранил, ты бы его тоже к мясникам потащил?» [1, с. 144], более того хозяин собственноручно делает для своего осла протез на сломанную ногу. Лань Лянь неоднократно заявляет, что он ему «как сын, как человек, а не как скотина» [1, с. 157], отмечая, что он и «по характеру, как человек» [1, с. 157]. По словам его сына Цзефана, «они жили душа в душу, как братья» [1, с. 127]. Лань Лянь единственный, кто замечает, что у осла и у вола одинаковые глаза, и понимает что вол – это его переродившийся осел Черныш. Лань Лянь верит в реинкарнацию, он рассказывает своему сыну несколько историй о перерождении людей в животных. Так, в одной из них речь идет о человеке, которому умерший отец во сне сообщил о своем скором перерождении в вола.

Как видим, это история о любви и уважении крестьянина к домашнему скоту, разделяющему с ним все тяготы крестьянской жизни. Лань Ляня, как и главного героя Симэнь Нао, не сломали ни система, ни общество. В итоге духовное родство оказывается сильнее кровного. На протяжении всей книги Симэнь Нао вновь и вновь рождается и умирает в родной деревне, в окружении одних и тех же людей: «Перерождаясь из Симэнь Нао в Симэня Осла, Симэня Вола, Симэня Хряка и Симэня Пса, я всегда был тесно связан с этим клочком земли, похожим на одинокий островок в океане» [1, с. 581]. От начала и до конца оставались ему верными чужие по кровному родству люди: его батрак Лань Лянь, первая жена Урождённая Бай и сын батрака Лань Цзефан. А родной сын Цзиньлун в лучшем случае не обращает на него внимания, а в худшем издевается и калечит, а при воплощении в вола и вовсе забывает до смерти.

Антропоморфизированное восприятие персонажа-животного остальными людьми вызвано реакцией на несвойственное для животного поведение. Реакция осла на речь Ван Ляюня, обращенную к нему, вызывает у того ощущение, что осел все понимает: «Э-э, да он, похоже, человеческую речь понимает» [1, с. 93].

Непонятное людям поведение и упорство вола Симэня, его негибкость перед лицом смерти приводит толпу, наблюдающую за ним, к мысли: «Может, это человек, обернувшийся волком? Или дух какой-нибудь?» [1, с. 249]. Особенно их поражает тот факт, что смертельно раненый вол Симэнь поднимается и из последних сил уходит с земли коммуны на землю «единственного во всём Китае единоличника» [1, с. 252] и только там умирает.

Мо Янь подчеркивает разницу между внутренним состоянием

персонажа и внешним восприятием данного состояния окружающими, их интерпретацией событий. Лань Цзефан, рассказывая об одном эпизоде из жизни вола, отмечает: «В этот момент я услышал донёсшийся из-под навеса странный звук – не то плач, не то смех, не то вздох. Его издал вол. Ты что тогда – всплакнул, засмеялся или вздохнул?» [1, с. 194] В ответ получает возражение: «Наверное, не стоит так всё усложнять... Может, у меня тогда ком травы в горле застрял» [1, с. 195].

Во время воплощения в теле свиньи Симэнь Нао целенаправленно демонстрирует окружающим, что он необычная свинья: «Я пошлёпал губами, широко зевнул, закатил глаза и потянулся. В толпе раздался смех, и кто-то сказал: «Э-э, разве это свинья? Ну совсем как человек, всё умеет!» [1, с. 323]. Таким способом он стремится «втиснуться в своём свинском образе в человеческую историю» [1, с. 387].

Как видим, «природный объект «очеловечивается», когда его наделяют признаками, необходимыми в данной культуре, чтобы отнести его к категории «человекоподобных» [4, с. 233]. Например, хряк Симэнь мог «свободно вставать вертикально и ходить на задних ногах, как человек» [1, с. 272]. Как он сам подчеркивает, «далеко не каждого, кто умеет ходить вертикально, можно считать человеком» [1, с. 272]. Так, в повести-притче английского писателя Дж. Оруэлла «Скотский уголок» свиньи перенимают привычки и нормы поведения людей: они переезжают жить в дом своего бывшего хозяина, надевают на себя его одежду, начинают ходить на задних ногах, но подобное «очеловечивание» носит формальный характер, затрагивая только внешнюю сторону процесса антропоморфизации.

После четырёх перерождений человеческие воспоминания Симэнь Нао хотя и не пропали полностью, но на них наложилось уже достаточно много событий из его животных воплощений. В результате пес Симэнь ведет себя в соответствии с тем, кем является. Его интересуют больше события из жизни собак, чем людей: он радуется встрече со своими братьями-собаками, переживает смерть своей матери-собаки.

Изображая мир животных изнутри, Мо Янь создает антропоморфизированное мироустройство (социоморфизм) мира зверей. Подобное явление можно наблюдать, например, в повести-сказке С. Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», сказке Р. Киплинга «Маугли», где показан самый настоящий мир животных.

Так и в романе Мо Яня в собачьем обществе есть определенная социальная иерархия: ядром являются овчарки, а пес Симэнь их председателем, у которого есть заместители (Ма и Люй), а также «десяток начальников филиалов» [1, с. 546]. Организовываются периодически собрания собак, которые проводятся как по поводу

печальных событий, например, смерти одного из псов («В этом месяце, – продолжал я, – нас, к сожалению, покинул наш любимый брат мастиф, поэтому давайте все вместе трижды пролаем, чтобы проводить его душу на горные пастбища» [1, с. 546], так и с целью отпраздновать какие-либо важные события. Например, в честь месяца со дня появления трёх детишек у сестры пса Симэня. Собаки тайно от людей собираются по ночам, чтобы «петь, танцевать, беседовать, пить вино, есть пирожные» [1, с. 546].

Они соблюдают определенный этикет, например, «удовлетворённо кивнув, я попрощался с Ма за лапу» [1, с. 550]. Пес Симэнь, обращаясь к собакам, называет их братьями и сёстрами. Подчеркивая социальную разницу между собаками, он отмечает, «мелкобуржуазный дух» пекинесочки Мэри, называющей собак, состоящих в данном сообществе, некультурными. «Вот мы, пекинские собаки, на party лунного света являемся в шикарных украшениях и прекрасно проводим время. Все танцуют, говорят об искусстве. Если пьют, так красное вино понемножку или воду со льдом» [1, с. 548], – заявляет она.

Как видим, некоторые эпизоды романа, посвященные жизни собак, напоминают отдельные моменты романа Э. Т. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра», где «официальное немецкое общество изображено как царство животных» [4, с. 30], а описание ночных сборищ собак «кошачьи бурши, с попойками, пением песен, заздравными и надгробными речами, гимнастическими занятиями, любовными похождениями, драками и дуэлями» [4, с. 32], являющиеся пародией на «немецкие студенческие союзы – буршеншафты» [4, с.32].

При своем последнем перевоплощении в животное Симэнь Нао перерождается в обезьяну, что, по словам Яньло-вана, «уже очень близко к человеку» [1, с. 665]. Согласно Дарвину, человек произошел от обезьяны. Вероятно, по этой причине Р. Киплинг в сказке «Маугли» изображает негативную сторону человеческого общества на примере обезьяньего народа, а французский писатель П. Буль в романе «Планета обезьян» противопоставляет антропоморфизированных обезьян и зооморфизированных людей друг другу, меняя их местами.

Каждое новое перерождение даёт душе главного героя необходимое успокоение. Если осёл Симэнь жаждет мести, старается защищать Урождённую Бай, ревнует свою бывшую наложницу Инчунь к Лань Ляню, ненавидит предавшую его У Цюсян, то свинью Симэнь уже в большей степени волнует удовлетворение своих личных животных потребностей, а собака уже не вмешивается в жизнь людей, понимает, что к ней всё это не имеет никакого отношения, поэтому ограничивается лишь выполнением своих непосредственных собачьих обязанностей.

Стоит разграничить такие понятия, как «личность» и «индивид». «Индивид – это человек как отдельно взятый представитель человеческого рода в целом» [5, с. 357]. «Личность – это человек в аспекте его социально значимых и индивидуально-психических характеристик» [5, с. 357]. Следовательно, быть по своей биологической природе человеком – это еще не значит быть личностью. Большинство испытываемых чувств Симэнь Нао по своему характеру деструктивны, жизнеотрицательны, следовательно, изначально он еще не личность. Он хочет отомстить всем своим обидчикам, а «личность всегда озабочена утверждением жизни и противостоит жизнеотрицанию» [6, с. 20], причем самые жизнеутверждающие взаимоотношения между людьми построены на любви и дружбе.

Только при перерождении собакой Симэнь Нао смиряется и начинает иначе относиться к происходящему: «попадаешь куда-то – поступай как там принято. Родился в свинарнике и не сосёшь материну титьку – помрёшь с голоду. Родился в конуре и не жмёшься к материнскому брюху – подохнешь от холода» [1, с. 494]. Самый главный вывод, который делает Симэнь Нао, заключается в том, что «люди должны смотреть вперед и меньше возвращаться к старым счетам истории» [1, с. 580]. Следовательно, необходимо перестать жить обидами.

Перерождения в животных сделали бывшего землевладельца человечнее: в осле Симэнь ещё так много человеческих обид и негодования от несправедливости, но пёс Симэнь забыл о ненависти и смотрит на мир с большей мудростью, спокойствием и любовью. Следовательно, побывав в шкуре разных животных, его душа эволюционировала, сделав его духовно развитой личностью. В итоге седьмым перевоплощением героя становится рождение человеком, а сам роман заканчивается началом повествования Большоголового своей истории реинкарнации Цзефану.

Вывод: Приобретение главным героем романа зооморфного облика в результате процесса реинкарнации и перерождения разными животными приводит к постепенной зооморфизации его мировосприятия. Если говорить о внешнем восприятии главного героя-животного другими персонажами, то их представление о нем имеет антропоморфизирующий характер. Только при воплощении собакой главный герой перестает воспринимать мир, как человек. В результате и восприятие его окружающими перестает быть антропоморфизированным. Повествование от лица персонажа-животного вызывает антропоморфизацию мироустройства и взаимоотношений между животными. Особенно наглядно это видно на

примере сообщества собак, которое возглавляет, перевоплотившийся в пса, главный герой романа. Несмотря на внутреннюю зооморфизацию, душа Симэнь Нао эволюционирует, претерпевает личностный рост, переходя на более высокий уровень духовного развития.

Библиографические ссылки

1. Мо Янь. Устал рождаться и умирать: [роман] / Мо Янь; [пер. с кит., примеч. И. Егорова]. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – 703 с.
2. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
3. Морозов, И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма) / И. А. Морозов. – М.: «Индрик», 2011. – 352 с., ил.
4. Миримский, И. Эрнст Теодор Амадей Гофман / И. Миримский // Гофман, Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мурра: Роман. Золотой горшок; Щелкунчик и мышинный король: Повести: Пер. с нем. И. Миримского. – Мн.: Маст. літ., 1989. – 528 с.
5. Философия: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.С. Стёпин [и др.]; под общ. ред. Я.С. Яскевич. – Мн.: РИВШ, 2006. – 624 с.
6. Андреев, А. Н. Основы теории литературно-художественного творчества: пособие для студентов филол. фак. / А. Н. Андреев. – М.: БГУ, 2010. – 216 с.